

**Владимир Николаевич Успенский,
каким я его помню**

Рассказывать о Владимире Николаевиче Успенском и легко, и одновременно сложно. Легко потому, что начиная со знакомства, произошедшего осенью 1996 года, у нас стали складываться доверительные отношения, которые на протяжении всех дальнейших лет развивались и обогащались. Сложно потому, что нас разделяла заметная разница в возрасте, а также его положение главы тверской композиторской школы (что ощущалось мной как некая естественная дистанцированность) и, кроме того, наличествовала разность музыкально-художественных ориентиров.

Тем не менее, сближение наше стало реальностью, о которой, в её некоторых главных моментах, я и попытаюсь рассказать на нижеследующих страницах. Хронология в таком рассказе вряд ли может быть выдержана (да она и не важна), но за объективность я, что называется, ручаюсь, поскольку память запечатлела очень важные для меня самого события, напрямую связанные с незаурядной личностью Владимира Николаевича.

Сначала несколько «точечных» воспоминаний.

Тверь, 1997 год. Показ (мини-концерт) в Тверском музыкальном колледже (тогда ещё училище) сочинений учащихся моего класса композиции (выезд в Тверь Бежецкого музыкального лицея состоялся в рамках очередного семинара для теоретиков). Помню равнодушное лицо Владимира Николаевича, находившегося в рядах слушателей, и по окончании мероприятия беседу с ним, после которой у меня – новичка в тверском музыкальном сообществе – остались только положительные эмоции и уверенность в нужности того, чем занимаюсь с детьми.

Бежецк, 2000 год. Мой авторский концерт из музыки для детей (солисты, ансамбли, хоровой коллектив). Владимир Николаевич – как всегда, «лёгкий на подъём» – снова в числе слушателей. А после концерта почти до утра (Успенский заночевал в Бежецке) мы говорили о композиторстве: я советовался с ним по разным творческим проблемам, слушал его соображения по поводу прозвучавшего в концерте – всё, что говорил Владимир Николаевич, высказывалось в самой доброжелательной манере, с неизменными шутками, к примеру, мой миниатюрный хоровой цикл он назвал «кантантиной», и т.п.

Бежецк, 2005 год. После премьеры моей кантаты «Сказание о святом Нектарии Бежецком» для чтеца, солистов, смешанного хора, ансамбля скрипачей и фортепиано, на стихи местного поэта Г. Ершова (исполнялась кантата силами бежецких музыкантов), Владимир Николаевич, взяв слово, прекрасно говорил, обращаясь к слушательской аудитории, о важности подобного рода музыкально-культурных событий, особенно в «не

избалованной» ими провинции. Говорил Владимир Николаевич, как я уже отметил, замечательно, и впоследствии автор либретто кантаты Г. Ершов неизменно называл его «профессором Успенским» – что, по сути своей, было не формализованной истиной.

Запечатлелись в памяти и неоднократные встречи всех членов ТООКа дома у Владимира Николаевича, в квартире (её лучше было бы назвать «штаб-квартирой») на улице Бебеля: слушалась в записи музыка, обсуждались текущие дела, верстались планы на будущее. Гостеприимство, зачастую подкрепляемое чайком с бутербродами, приготовленными Натальей Алексеевной, ещё больше сближало всех нас, а в прихожей гостей неизменно встречал и провожал добродушный пёс Рэй.

Владимир Николаевич постоянно жил как бы «на опережение». Во всём. К примеру (здесь, в некотором смысле, пишу с долей шутки), если по какой-то необходимости он приезжал в Бежецк – то часто оказывался там раньше запланированного времени. Конечно, подобное всецело зависело от водителя маршрутки, «гнавшего» транспортное средство с целью побыстрее добраться до пункта назначения. Но, по факту, пару раз, когда я уже выходил или собирался выйти из класса, чтобы встретить Владимира Николаевича (автостанция – прямо напротив нашей ДМШ), то либо встречался с ним в коридоре, либо неожиданно открывалась дверь, и он с приветствием протягивал ладонь для рукопожатия.

Так – и в прямом, и в переносном смыслах – Успенский шёл навстречу людям. После одного из фестивалей он говорил мне, что радуется любому удачному сочинению своих коллег (и в этом, признаюсь, мы оказались солидарны: ведь слушать слабое, неинтересное сочинение – истинное мучение).

Узнав, что жена моя очень любит музыку С. И. Танеева, Владимир Николаевич неоднократно, при наших с ним встречах, передавал ей диски с записями сочинений этого композитора (чего, признаюсь, порой вовсе и не требовалось: у нас многое «из Танеева» имелось).

А ещё он дарил ноты, книги, и вновь – диски с различными записями и фильмами.

В этом, без всякого сомнения, он находил одну из форм смысла жизни.

Зная такую черту Владимира Николаевича, как склонность к юмору, я, тем не менее, однажды не смог понять, что – оказывается – он, в данном (творческом) случае и не думал шутить. Дело было так. В один из его приездов в Бежецк (примерно в 2006-м году) я решился показать ему свои поэтические опыты. После чего Владимир Николаевич, в своей обычной, бодро-весёлой манере, высказал идею о совместном выступлении с – как он выразился – стихомузыкой (т.е., как стало ясно позднее, его фортепианными импровизациями на мои стихи – а их читал бы я сам). Я прореагировал на это что-то вроде: «Да-да, конечно», но не воспринял всерьёз. А он-то не шутил! И ничего не забыл: через пару месяцев, в телефонном разговоре, спросил:

– Когда же, наконец, будем реализовывать стихомузыку?

Помнится, моим ответом было удивление, но Владимир Николаевич оказался настроенным очень серьёзно; вскоре мы встретились у него дома, где весьма продуктивно, в течение нескольких часов, до усталости трудились, составляя план мелодекламации – и по каждому стихотворению в отдельности, и по всей программе в целом.

Премьера состоялась в Бежецке, а затем (фрагментарно) программа неоднократно повторялась в Твери: на концерте в честь очередной годовщины ТООКа; на Международном фестивале в Путевом дворце; и вновь в Путевом дворце, в качестве своеобразной интермедии, на концерте ансамбля, руководимого Т. П. Юдиной.

К сожалению, эта линия нашего сотворчества в дальнейшем не получила продолжения. Это было вызвано объективными обстоятельствами: нелегко было изыскивать возможности и время для встреч-репетиций, а также – что, пожалуй, не менее важно – находить «площадки» для концертных выступлений (разумеется, с присутствием публики).

Выше я упомянул встречу-репетицию у Владимира Николаевича дома. Встречи такие у нас с ним происходили неоднократно; помню несколько их – по поводам, безусловно, музыкальным: к примеру, для подготовки одного из номеров юбилейного, к его 70-летию, концерта, где планировалось авторское исполнение вокальной партии в цикле на стихи Д. Хармса, а фортепианный аккомпанемент был «поручен» мне.

Но однажды произошло следующее: с появлением у него компьютера Владимир Николаевич, после одного из совместных выступлений в Путевом дворце, «затащил» меня к себе и – поистине с детской увлечённостью – рассказывал о разнообразных возможностях (начиная с получения почтовых сообщений, и т.д., и т.п.), которые появляются у владельцев этих электронных устройств, «агитируя» меня поскорее обзавестись таким же.

Порой случалось, что времени у нас обоих было «в обрез» (каждый спешил по своим делам), и мы встречались в Твери либо в каком-либо кафетерии, либо просто присаживались на лавочку в скверике близ набережной Волги – и вновь, и вновь говорили о планах, о готовых и будущих сочинениях (помнится, в одну из таких встреч я показал Владимиру Николаевичу недавно вышедший в свет сборник одночастных фортепианных сонатин, а он делился со мной идеями произведений с необычными инструментальными составами).

Потребность творческого высказывания у Владимира Николаевича превращалась зачастую в необходимость дать словесное определение своим слуховым ощущениям: потребность формулировать мысли вслух в его природе присутствовала в высокой степени. Здесь я возвращусь к повествованию о нашем общении у него дома (конечно, не так уж важно, где это происходило, но память обязывает к точности), и вспомню, как, едва взглянув на «вертикаль» в одном из тактов моей хоровой пьесы, он произнёс:

– Диатонический кластер!

В другой раз, прослушав запись моего нового фортепианного триптиха, моментально сделал краткий, но весьма ёмкий анализ фактурных пластов каждой из пьес.

А показывая на рояле фрагменты своих будущих или уже готовых сочинений (бывало и такое), он порой комментировал логику и смысл составляющих их идей. Его ум постоянно пребывал в аналитическом поиске – и находил себе применение; наверное, поэтому так многое Владимиру Николаевичу удалось сделать: и в музыкальном, и в литературно-публицистическом отношениях (о втором скажу позднее).

В одно из посещений Владимиром Николаевичем Бежецка я решил показать ему свой новый фортепианный цикл для детей (4 пьесы), называющийся «Сказки тётушки Совы». Данный цикл написан достаточно сложным языком и не претендует на повсеместное понимание преподавателями детских музыкальных школ. Прослушав его, Владимир Николаевич (а его мышление, как я представляю, было в значительной мере ориентировано на авангардную традицию) произнёс примерно следующее:

– Начав с подобных «игрушек», и двигаясь по этому пути, появляется шанс научить ребёнка слышать и понимать музыку, написанную сложным, современным языком.

В данном случае мне врезалось в память слово «игрушки», как нельзя лучше отражающее особенности музыки для детей.

Рассказываю об этом потому, что, как, пожалуй, любому «традиционалисту», мне порой хотелось сочинить нечто иное, и подобная оценка (по сути – поддержка) Владимиром Николаевичем этого небольшого опуса оказала весьма положительное воздействие на мою дальнейшую работу.

Добрые слова находил он даже и тогда, когда стилистика того или иного сочинения не была ему близка:

– Что же, вполне в духе добропорядочной советской романсовой музыки, – высказался он после исполнения одного из моих вокальных циклов.

И снова – о посещениях Владимиром Николаевичем Бежецка. Этих посещений было, как я уже упоминал, несколько. Здесь и поездки на конкурсы юных композиторов, и выступление с фортепианными импровизациями к моим стихам, и две его персональные творческие встречи: перед местными поэтами в библиотеке, и – в другой раз – в зале Детской музыкальной школы русского инструментального искусства. А самый первый приезд – о чём я уже рассказывал – на мой авторский концерт, случился в 2000-м году, после чего в «Тверской жизни» вышла его доброжелательнейшая заметка; в ней (заметке) им было отмечено моё тяготение к сочинению музыки для детей и высказано пожелание услышать в ближайшем будущем и мою «взрослую» музыку. Но, тем не менее, я неуклонно (природу ведь не обманешь) «модулировал» в область музыки, адресованной детям; Владимир Николаевич, как мне кажется, первое время несколько скептически относясь к этому, говорил:

– Ну, поиграют детишки...

Возможно, он ждал от меня чего-то большего, но, в итоге, видимо, смирился с этой моей «привязанностью».

И уже в мою бытность в Тверской области тоже создал несколько опусов, адресованных молодым, в частности: фортепианный альбом для юношества «На память Полине», и вокальные «Песенки для детишек».

Выше я уже говорил о том, как, при знакомстве с некоторыми моими опусами, Владимир Николаевич делал краткий анализ (фактуры и др.), и непременно отмечал что-либо положительное; это, конечно же, придавало уверенности, так необходимой в композиторской работе (вспоминаю, как не без великого трепета, будучи в очередной раз в квартире на улице Бебеля, я включил запись одного из своих фортепианных, достаточно «левых» по языку, сочинений – но после добрых слов Владимира Николаевича, подкреплённых добротным анализом, все тревоги мои моментально улетучились).

Небольшое отступление (а может, и дополнение к сказанному): однажды я был свидетелем анализа студенческого сочинения, сделанного Владимиром Николаевичем, и это было столь масштабно – глубоко и многогранно – (пишу без малейшего преувеличения), что слова поэта Г. Ершова о «профессоре Успенском» не выглядят вовсе метафорой, тем более в глазах людей (а я был в тот момент не один слушающий), окончивших композиторские факультеты консерваторий.

Но продолжу то, о чём рассказывал.

Была ли критика с его стороны в адрес моих сочинений? Да, была. Но высказывалась она таким образом, что мне, как автору, не приходилось «убиваться» – настолько эта критика тактично, или с едва заметной иронией, высказывалась (напомню о «добропорядочной советской романсовой музыке» и т.п.).

Сказанное выше никак не означает, что Владимир Николаевич негативно оценивал мой (да и вообще чей-либо) традиционализм в композиторском мышлении – просто его ориентация на авангард была, до известной степени, настолько сильна, что, как мне кажется, ему нужно было делать некоторое усилие, чтобы, несмотря на огромный слуховой опыт, объективно оценить чужое, порой противоположное, художественное кредо.

И это удавалось! Более того – я уверен! – Владимир Николаевич активно эволюционировал в отношении осознания, что не каждому композитору, в силу его природы, дано идти в авангардном направлении; что можно даже и в наше время писать иначе – ориентируясь на более традиционные ладогармонические нормы.

Не случайно многие его поздние (а возможно, и не только поздние) сочинения написаны, как говорил он сам, «демократическим языком». В целом это соответствует тенденции поставангарда, так что, в данном плане, он в творческих поисках шёл в ногу со временем, оставаясь узнаваемо «самим собой».

Разносторонность художественных интересов Владимира Николаевича – тема, которую невозможно обойти вниманием. В частности, это поэзия, которую он любил и всегда искал новых авторов – даже не обязательно, чтобы сочинить на их тексты что-либо, а часто с целью обогащения собственных представлений о современном состоянии литературного процесса. И высказывал большое удовлетворение, когда встречался с чем-то интересным в данном отношении. К примеру, познакомившись с поэтическим сборником одного моего знакомого, члена СП России (сборник Успенскому подарил я), Владимир Николаевич отметил обращающие на себя внимание необычные колористические качества стихотворений (поэт этот действительно талантлив, обладает индивидуальным почерком), и впоследствии всегда передавал ему (поэту) наилучшие пожелания.

Знаю также, что периодически Владимир Николаевич перечитывал и стихи тех, кто уже стал классиком отечественной литературы – к примеру, Н. Заболоцкого: однажды, при встрече, я услышал восторженные слова о красоте аллитераций и ассонансов в поэзии автора «Столбцов».

Эта разносторонность в поэтических пристрастиях способствовала, несомненно, созданию Владимиром Николаевичем вокальных сочинений, ориентированных на самых различных по уровню исполнителей – от несложных романсов из сборника «Мамина песня» и до вокальных композиций на стихи З. Гиппиус, впечатливших меня (да, думаю, не только меня) и своим размахом, и своей трагедийностью, а также – необычностью интонационного прочтения стихотворного текста. Это ещё одно подтверждение того, что Владимир Николаевич глубоко понимал природу поэзии, чувствовал её и умел находить неожиданные, и убедительные, решения проблем, возникающих в процессе сочинения.

Гражданственность – особая тема в рассказе о Владимире Николаевиче. Его эстетическое кредо немыслимо без этого понятия, что проявлялось совершенно в разных отношениях, как говорится – на разных «уровнях». Так, во время наших с ним прогулок по Бежецку (пару раз время позволяло), разговор заходил о сохранении традиционного облика малых городов, и Владимира Николаевича радовало, что на месте безвозвратно обветшавших (не ценных в архитектурном отношении) зданий строятся близкие им по стилистике, реставрируются фасады и т.п.

Другой аспект гражданственности – его публицистические статьи. У меня имеются три из них: «О красоте человеческих лиц», «Духовность и музыка сегодня», «Рок-музыка и православие». В статьях этих Владимир Николаевич обращается к опыту православия – как к тому, что помогает в развитии духовности, и тем не менее, очень верно замечает (цитирую): «Воцерковление ещё не является признаком духовного человека: надо пройти путь очень долгий, чтобы хотя бы отдалённо приблизиться к нашим духовным столпам, чьи святые лики – в каждой церкви ...».

Ещё один аспект гражданственности у Владимира Николаевича связан с практической деятельностью Творческого Человека (пишу это словосочетание с заглавных букв намеренно, т.к. это некое обобщение). Узнав, что в составе «поэтического десанта» мы с моим знакомым (членом СП России, о котором уже упоминалось выше) часто выступаем – в том числе перед жителями отдалённых посёлков и деревень, лишённых непосредственного общения с поэзией, он (Владимир Николаевич) всячески приветствовал эти акции, сетуя на то, что ему самому не часто удаётся делать аналогичное (в музыкальном отношении, конечно); я его всецело понимал, и мы уже приступили было к планированию новых совместных выступлений – аналогичных тем, о которых было рассказано ранее (стихи и фортепианная импровизация), но тут началась пандемия и всё пошло прахом...

Заканчивая эту тему (хотя затронута она, конечно, далеко не полностью), вспоминаю слова, сказанные Владимиром Николаевичем по прочтении одного из моих стихотворений – «Лесной эшафот» (там говорится о варварском уничтожении лесов). Ознакомившись с данным текстом, он сделал обобщение, «укрупнив» смысл:

– Так и нашу Россию распиливают...

Памятным для меня событием стало приглашение и последующее за ним посещение Владимира Николаевича на его «творческой даче» в селе Никольском Рамешковского района. Гостил я там, фактически, всего сутки (одна ночёвка, а на следующий день уже отъезд), но, тем не менее, общение наше оказалось для меня и в личностном, и в музыкальном отношениях, плодотворным.

В деревянном домике стоял рояль, уже знакомый по тверской квартире Успенского, придававший интерьеру простого сельского жилища необычайный уют и теплоту. Признаюсь, что в ту пору в присутствии Владимира Николаевича я был, несмотря на примерно 10 лет знакомства, ещё достаточно скован (разница в возрасте, и т.п.), но всё-таки уже не так робел, как прежде, и поэтому задавал вопросы, касающиеся его самого – разумеется, вопросы творческого плана. К примеру, меня интересовало, происходила ли (и какого рода) эволюция в его композиторской стилистике.

– Да, происходила, – ответил Владимир Николаевич, – а затем, найдя кассету с записью своих ранних романсов, включил магнитофон – и зазвучала достаточно традиционная в отношении языка, но весьма качественная по технике вокальная музыка.

Показывал – на рояле – и я кое-что из своего (музыка была откровенно тональная). Владимир Николаевич внимательно слушал, а когда дело подошло к новому разделу пьесы, улыбаясь, сказал:

– А вот я сейчас угадаю, в какой тональности пойдёт следующий раздел!

Это прозвучало очень по-доброму и, разумеется, в определении тональности ошибки не было.

Потом мы снова слушали записи, на этот раз классику: по моей просьбе – фортепианный концерт Р. Шумана; затем вновь подходили к роялю – Владимир Николаевич показывал почти уже готовое масштабное сочинение для

голоса с оркестром, причём он высказал свои сомнения: удачен ли замысел и его реализация, не будет ли «провала» при исполнении? (Забегая вперёд скажу, что в итоге всё оказалось в порядке, никакого «провала» не произошло).

Доверительность, с которой Владимир Николаевич общался со мной в Никольском, рассказывая о себе, об учёбе в институте Гнесиных, о своих творческих тревогах – ещё больше привлекла меня к нему и, несомненно, стала следующей ступенькой в нашем с ним сближении.

Не случайно, думается, в одну из пауз в нашем музицировании он произнёс фразу, которой выразил не только свои, но и мои ощущения, а также, без сомнения, ощущения многих, пишущих музыку:

– Очень много счастливых часов провёл я за этой клавиатурой!

Возьму на себя смелость утверждать, что такая фраза возможна только при уверенности, что ты будешь понят.

Немаловажная вещь, а возможно, одна из важнейших, о которой необходимо упомянуть – это отношение Владимира Николаевича к людям в целом и, в частности, к своим коллегам-музыкантам, независимо от их специальности; оно (отношение) было исключительно доброжелательным, обязательно с верой в творческие способности того, о ком шла речь. Услышав чьё-либо, хотя бы мало-мальски талантливое исполнение, он мог ещё долгое время спустя, говорить об этом человеке, вспоминать его:

– Ну как там поживает Светлана? – спрашивал он про «мою» пианистку, проживающую в Бежецке, – неужели руку сломала? Ай-ай-ай! Передай ей, Алексей, чтобы поскорей выздоравливала!

В один из первых годов нашего знакомства Владимир Николаевич, желая уберечь меня от неких «соблазнов», могущих помешать творческой работе (я был в ту пору относительно молодым человеком), однажды, при случайной встрече на улице в Твери, говорил мне о сиюминутном, о преходящем, о важности не терять золотого времени для самореализации. И это не было унылым менторством – нет! – это шло от всего сердца, с верой в потенциал (в данном случае, мой), за что я до сих пор Владимиру Николаевичу необычайно благодарен. А ведь у него была возможность, встретившись, отделаться общими фразами, распрощаться и уйти.

Да, была у Успенского вера в человека! Хотя, без всякого сомнения, он, на протяжении жизни, повидал многое, сталкивался и с равнодушием, и с непониманием, и с откровенно скверным отношением (об одном из таких случаев он однажды мне поведал – но только как о когда-то произошедшем факте, без конкретики).

И, тем не менее, вера в человека (идущая возможно, от православия, которое он убеждённо исповедовал) придавала ему сил и умения разглядеть в людях положительное, рождала способность им доверять. Вот показательный пример: мне, вскоре после приезда в Бежецк, остро понадобился клавир «Петрушки». Обращаюсь к Владимиру Николаевичу (мы были тогда ещё едва-едва знакомы) – приехал для этого в Тверь, пришёл к нему домой. Пристально (может быть, даже испытующе) взглянув на меня, он ни слова не говоря,

подошёл к стеллажу – и уже через пару минут я держал в руках так необходимые мне ноты (кстати, порядок в нотном фонде у Успенского, как я заметил, был практически образцовый).

А помощь с нахождением исполнителей! Начиная с самого первого концерта (презентации ТООКа) именно Успенскому я обязан, что, будучи новичком в тверском музыкальном сообществе, получил возможность услышать со сцены, в частности, свои вокальные опусы.

И это было не единожды!

В последний раз – уже незадолго до ухода из жизни – он предлагал мне сочинить что-нибудь крупное – к примеру, кантату – с тем, чтобы помочь с исполнением (правда, занятый исключительно детской музыкой, я уже ничего крупного не написал).

На протяжении всех лет нашего знакомства я получал от Владимира Николаевича письма – часть их сохранилась. Даже с появлением мобильной связи письма от него не перестали приходить, хотя и реже. Но были годы, когда писем было множество, и каждое обязательно начиналось с фраз, подобных нижеследующим (цитирую): «Я очень рад тому, что жизнь твоя наполнена работой, творчеством, планами... Дай-то Бог!.. Ведь потому и живы мы, когда жизнь эта осмыслена и наполнена деяниями не случайными, но весьма нужными и полезными...»

Такими же приветливыми словами, идущими от стиля церковнославянского языка, все письма и заканчиваются (адресованы нам с женой обоим): «Я желаю вам с Ириной /.../ счастья-согласия, ибо все мы весьма ранимы, хрупки и взаимная поддержка нам ой как нужна. Живите работой, творчеством, ищите благодати – и радость вас не оставит».

Но было бы ошибкой думать, что письма Владимира Николаевича – это постоянные безоблачные послания-пожелания: порой в них (помимо информации о планах, как то: установка интернета в Никольском и т.д. и т.п., о различных бытовых проблемах) проскальзывают горькие фразы об отсутствии к нему внимания со стороны исполнителей, некоторых других неурядицах, о том, что по этим причинам «унынию место имеется» – а это даже «не так обидно, сколько несправедливо», и добавляет: «как будто я уже померши». Тем явственнее проявляются личностно-волевые качества Владимира Николаевича, умеющего, на фоне собственных переживаний (а позднее и недугов), найти – убеждённый, что не для одного меня – слова поддержки, так часто необходимые и ничем не могущие быть заменимыми.

В последний раз мы с Владимиром Николаевичем разговаривали (по мобильной связи) ровно за месяц до его ухода. Именно тогда он назвал наши отношения дружбой. Не считаю, что об этом надо умолчать, ибо – несмотря на существующую между нами естественную дистанцию – так оно, по сути своей, сложилось. Может быть, поэтому у меня и появилось стихотворение, отражающее этическое кредо В.Н. Успенского:

НЕПРИЗЕМЛЁННОЕ
(памяти композитора В.Н. Успенского)

В том мире, что я выбираю,
ни злобы, ни зависти нет:
там ангел на флейте играет,
свободен от всяких сует;
ещё один ангел – на лютне,
у третьего – арфа в руках;
и нет ни гордыни, ни скрутни,*
и корень корысти зачах.
Там, в неге небесных мелодий,
нет фарса наигранных чувств;
умильность, бравада не в моде,
неправды прибыток не густ.
Лишь в ясной заоблачной выси,
где творчество – смысл бытия,
от зол удаётся спастись мне;
в обители Истин и Чисел
гармонии Звука и Мысли
хотел бы не чужд быть и я.

* Скрутня – сплетня (диалектное).

Заканчивая свой очерк, понимаю, что он краток и не всеобъемлющ. Тем не менее, надеюсь, что облик Владимира Николаевича Успенского – одного из последних русских интеллигентов – мне удалось, хотя бы силуэтно, нарисовать. Таким я его знал, таким я его запомнил.

Светлая память большому музыканту и истинному человеку!